

вать и того состоянія «паралича», въ какомъ была Церковь, плѣненная государствомъ. И слава Богу, что это отжило. Сейчасъ нужно говорить о задачѣ новаго устроенія Церкви въ измѣненной обстановкѣ, настойчиво звать церковное сознание къ новой работѣ. Многое, конечно, еще нельзя предвидѣть. Мы не «сіонскіе мудрецы», чтобы все расписать на десятки лѣтъ впередъ, но такъ какъ мы не умѣли предвидѣть, то «сіонскіе» и всякіе иные мудрецы насъ и обошли. Нужно имѣть нѣкоторую теорію, чтобы въ критическую минуту не было растерянности, а для этого необходимо, чтобы мы знали, какъ дѣйствовать, къ чему вести. На нашихъ глазахъ іерархи государственныхъ новообразованій (Польша, Литва, Латвія, Эстонія), растерявшись передъ вставшей передъ ними проблемой устроенія Церкви въ новыхъ условіяхъ, наивно укрылись подъ крылышкомъ чужихъ свѣтскихъ государствъ. Это вызвало цѣлый рядъ ненормальностей въ церковной жизни — насильственное введеніе новаго стилиа, произвольный путь подчиненія Константинопольскому патріарху и т. д. Этого мы должны избѣгать.

Въ церковномъ обществѣ одной изъ основныхъ силъ всегда былъ и будетъ консерватизмъ, но консерватизмъ, къ несчастью, часто перерождается въ слѣпую инерцію, готовую сломать кости жизнен-

но-творческому теченію, недостаточно еще окрѣпшему. Нужно разъяснять, писать о томъ, каково было положеніе Церкви въ періодъ ея нахождения въ плѣну у государства, какія глубокія внутреннія перерожденія испытало въ связи съ этимъ церковное сознание. Нужно пробуждать сознание значенія Церкви, самой по себѣ, безъ государства, копить ея силы, нужно за это бороться.

Въ свое время покойному патріарху Тихону былъ представленъ законопроектъ объ организаціи отношеній между Церковью и государствомъ, составленный въ качествѣ програмнаго для «Управленія вооруженными силами на Югѣ Россіи» ген. Деникина. Патріархъ выслушавъ, грустно засмѣялся.. «Вашими устами да медъ пить... Когда то эта идея осуществится?» Онъ былъ мудре насъ и предвидѣлъ дальше чѣмъ мы. Потому-то онъ и отказался благословить бѣлый фронтъ. Онъ предвидѣлъ неизбежную потребность отдѣленія Церкви отъ государства, сознавалъ, что — для данного періода — мечта объ иномъ устроеніи церковной жизни является церковно-общественной маниловщиной. Святѣйшій патріархъ былъ человекомъ народа, трезваго практическаго чутья, и зналъ, что большевицкая канитель всерьезъ и надолго, и дѣлать съ такимъ государствомъ Церкви нечего.

Пути движенія и Россія

II*).

Когда я думаю о работѣ нашего Движенія въ будущей Россіи, я не рисую себѣ никакихъ идиллій. Насъ ждетъ въ Россіи трудная, чрезвычайно отвѣтственная работа, ждетъ борьба, непониманіе,

внѣшнія и внутреннія трудности. Съ этой точки зрѣнія наша работа здѣсь въ эмиграціи пріобрѣтаетъ исключительное значеніе, какъ нѣкоторый «практикумъ», дающій возможность накопить извѣстный опытъ; отдать себѣ отчетъ въ нашихъ дефектахъ, осмыслить руководящія идеи. Ес-

*) См. «Вѣстникъ» 1931. № 1.

ли бы мы всё глядѣли на работу въ Движеніи именно какъ на подготовку къ будущей работѣ въ Россіи, для насъ многое въ Движеніи предстало бы въ иномъ свѣтѣ. Сколько ненужныхъ недоразумѣній, порой фатально вступающихъ передъ нами, окружаетъ нашу работу и здѣсь, въ эмиграціи! Этихъ недоразумѣній въ Россіи будетъ не меньше, а больше.

Но именно потому намъ необходимо теперь же столкнуться, чтобы избѣжать трудностей внутри насъ самихъ. Дѣло идетъ не объ «идеологию» Движенія, а о конкретныхъ цѣляхъ его и путяхъ. Въ настоящей статьѣ я и хотѣлъ бы коснуться бѣгло нѣсколькихъ вопросовъ, имѣющихъ совершенно конкретный характеръ и связанныхъ съ путями Движенія въ будущей Россіи.

1. Объединяя вѣрующую молодежь и привлекая къ вѣрѣ тѣхъ, кто ее утерять, мы должны твердо помнить, что успѣшность нашей миссіонерской работы будетъ очень сильно зависетьъ отъ того, насколько сумѣемъ мы проникнуть въ самую «гущу» жизни. Было бы величайшимъ несчастіемъ для насъ, если бы мы остались какой то «духовно - аристократической» кучкой, развивающей у себя глубокую внутреннюю жизнь, но не умѣющей сходить съ этихъ высотъ для того, чтобы идти въ тѣ слои, которые социально и духовно чужды намъ. Еще до войны, а особенно теперь сейчасъ прокладывается въ Россіи баптистами и евангелистами удобная колея духовнаго минимализма, которая привлекаетъ къ себѣ не только простотой, но и упрощенностью, не только ясностью, но и непосредственной практичностью. Духовный голодъ въ среднихъ слояхъ городского населенія очень великъ, духовные запросы у нихъ серьезны и глубоки, — и православному Движенію есть что дать молодежи этихъ круговъ. И если баптизмъ и евангелизмъ духовно ограничены, привлекаютъ своимъ минимализмомъ, то они

въ то же время отвѣчаютъ глубокой потребности народной души въ **явленномъ христіанствѣ**, въ жизненномъ воплощеніи началъ христіанства. Русская душа остается и нынѣ мистической, она хочетъ видѣть въ христіанствѣ силу и творческое начало, хочетъ социальнаго, даже историческаго выявленія правды Христовой, а не только закрытой внутренней жизни. Сознвая это, мы должны особенно глубоко чувствовать то, что передъ нами, какъ православными, открывается огромная задача явить творческую силу Православія. Охраняя въ себѣ все богатство и глубину Православія, справедливо боясь его упрощенія или чисто номинальнаго его участія въ строеніи русской жизни, мы должны реально и дѣйственно осуществлять православную культуру.

Борьба за Православіе, за его правду и силу будетъ идти въ Россіи именно по линии христіанской культуры. Это означаетъ, если угодно, извѣстное духовное книженіе, но такова наша эпоха. Она ищетъ — говорю о широкихъ слояхъ не только народныхъ, но даже интеллигентскихъ — не отрѣшенной мистической жизни, но цѣлостнаго, сильнаго въ жизни, творческаго на путяхъ культуры христіанства. Тутъ не все примитивно, не все «прагматично» — тутъ есть новая и здоровая цѣлостность. Правда, эта цѣлостность покупается такъ часто цѣной упрощенности и примитивизма, — но въ томъ то и выступаетъ **наша** задача, какъ Движенія православнаго, какъ силы церковной, что мы должны создавать живой и дѣйствительный синтезъ Православія и творческой жизненной силы. И, конечно, — прежде всего, въ насъ самихъ мы должны явить этотъ синтезъ вѣры и творчества, церковности и жизненной силы. Огнемъ вѣры должны быть зажжены наши сердца, внутреннимъ дѣланіемъ должна питаться наша душа, подлинной и глубокой церковностью должна опредѣляться

наша жизнь, а въ то же время мы должны идти къ тому, чтобы становиться хозяевами русской жизни.

Школа, социальная жизнь, разныя формы духовнаго творчества—все это должно въ нашей работѣ являть жизненную правду вѣры, воплощать духъ нашей церковности. Это не есть отходъ отъ существа нашего Движенія — а наоборотъ: Церковь есть для насъ путь личной жизни, источникъ религіозной силы, но она есть и основа всей культуры, проводникъ въ жизнь вѣчной правды.

2) Нельзя отдѣлять въ путяхъ нашего Движенія чисто религіозной стороны отъ религіозно - культурной: одно безъ другого немыслимо, одно отъ другого неотдѣлимо. Вся историческая значительность нашего Движенія для русской жизни только въ томъ и состоитъ, что по линіи Движенія, по его путямъ должно совершаться постоянное и творческое сочетаніе церковности и реальной жизни, вѣры и социальной дѣйствительности. Мы не можемъ рассчитывать на государственное содѣйствіе въ нашей работѣ, мы должны бояться всякаго внѣшняго декретированія въ дѣлѣ развитія началъ церковности въ русской жизни. Нашъ путь совсѣмъ иной — и это нужно очень отчетливо и ясно сознавать. Какъ государство Россія будетъ долго идти по путямъ секулярной, нейтральной культуры — и мы сами должны желать не государственнаго, а социального торжества православной культуры, не внѣшняго и правового утвержденія священныхъ ея идей, а живого собранія творческихъ силъ Православія на путяхъ реального преображенія жизни. Насаждаютъ островки православной культуры, привлекаютъ къ нимъ живыя сердца и творческія души, идутъ въ толщу городской массы, къ народу, проникаютъ въ школы, въ социальную жизнь, зажигаютъ новымъ вдохновеніемъ дѣятелей культуры и все это извнутри, не подлинно, свободно,

но глубоко связывать съ Церковью, быть вообще пионеромъ въ дѣлѣ созиданія церковной культуры — таковъ путь Движенія.

Движеніе должно отчетливо сознавать эту безмѣрную задачу и смѣло и творчески ее осуществлять. Это не самомнѣніе, не самовозвышеніе: сама жизнь требуетъ отъ насъ идти указаннымъ путемъ. Мы не можемъ отрѣшенно развивать въ себѣ религіозную силу — ибо отрѣшенно и нельзя ее развивать; мы не можемъ всю дѣйственность, исходящую отъ религіозной жизни въ насъ, сводить къ личной, индивидуальной христіанской работѣ. Уже сейчасъ, въ эмиграціи, при всей стѣсненности и убогости нашихъ условій, мы вышли на путь социальной работы, — и какъ ни робки, ни слабы наши первые шаги они убѣждаютъ насъ во внутренней правдѣ открывшагося пути. Кто прикасается къ русской молодежи, тотъ не можетъ не сознавать, что она ждетъ духовной помощи отъ тѣхъ, кто знаетъ, куда ее вести и чѣмъ ее одушевить. Но между нами и молодежью часто стоятъ такія преграды, что нужно много духовной силы, вѣры въ свое дѣло, живой любви къ молодежи, чтобы не надломиться въ такой работѣ. Мы хотимъ приблизить молодежь къ Церкви — но это значитъ, что мы должны войти въ миръ молодежи, явить ей въ насъ самихъ правду и жизненность Церкви.

А въ будущей Россіи вся эта работа будетъ имѣть рядомъ съ собой побѣдныя завоеванія духовнаго минимализма, торжествующаго реализма.. Наша работа будетъ не только трудна, она часто будетъ казаться утопической, нежизненной — а между тѣмъ на въ чѣмъ такъ не будетъ нуждаться фактически русская жизнь, какъ именно въ созданіи островковъ православной культуры, которые могли бы не на словахъ, а на дѣлѣ раскрыть новый, долгожданный путь для русской жизни.

3) Во всей этой предстоящей работѣ

намъ нужны будутъ сильные люди, могущіе сочетать религіозную глубину съ жизненной трезвостью, способность зажигать вѣрой сердца съ умѣніемъ воплощать въ общественныя формы тѣ или иныя идеи. Для того, чтобы намъ собирать кругомъ себя молодежь, создавать творческое движеніе, пролагать новые пути жизни — для этого нужны и подлинная вѣра, и богословская подготовка, и широкой идейный кругозоръ, — но не менѣе важно умѣнье работать съ людьми, умѣнье привлекать къ себѣ, способность организационно закрѣплять и развивать тѣ связи и отношенія, которыя создаются въ процессѣ работы. Соціальная жизнь требуетъ отъ тѣхъ, кто хочетъ активно входить въ нее, определенной **соціальной техники**, умѣнья осуществлять и охранять тѣ начинанія, которыя рождаются изъ вдохновенія души. Еще Некрасовъ съ горечью говорилъ: «суждены намъ благіе порывы, а свершить ничего не дано». Съ того времени многому научились русскіе люди, но у насъ все же мало традицій общественной работы, мало яркихъ и одушевляющихъ примѣровъ ея. Сравнивая наше Движеніе съ другими общественными организациями, я не могу не дать очень высокой оцѣнки именно соціальной техники въ нашей работѣ. Здѣсь намъ много помогли наши иностранныя друзья какъ своимъ личнымъ примѣромъ, такъ особенно богатымъ опытомъ общественной работы въ Америкѣ и Зап. Европѣ. Но отдавая должное вѣтъ тѣмъ цѣннымъ чертамъ въ нашемъ Движеніи, которыя относятся къ технике нашей работы, я все же долженъ сказать, что она **недостаточна** для тѣхъ исключительныхъ задачъ, которыми живетъ наше Движеніе. Я напому о томъ, что мнѣ приходилось уже говорить въ статьѣ «Организмъ или организация»: мы не можемъ быть только организацией, мы должны реально и подлинно осуществлять въ себѣ, въ своей рабо-

тѣ и въ своихъ отношеніяхъ тотъ духъ соборности, въ которомъ прежде всего сказывается для насъ начало церковности. Намъ нужны не только стойкость, выдержка, точное и своевременное выполнение своихъ обязанностей, не только планомѣрность въ работѣ, серьезность въ постановкѣ дѣла, трезвость въ оцѣнкѣ положенія, творчество въ нахожденіи наилучшихъ нашихъ задачъ: все это нужно всякой общественной организации. Но намъ нужна, кромѣ этого, дѣйствительная, а не словесная, реальная, а не воображаемая **соборность**. Мы сами должны являть въ себѣ то преображеніе соціальной стихіи, котораго мы ждемъ отъ проникновенія началъ церковности въ нашу жизнь. Соборность не есть ни подавленіе индивидуальности, ни отрицаніе свободы, ни насиліе большинства, — она есть та живая связанность и солидарность, которая снимаетъ разногласія и расхожденія не черезъ уступчивость и дряблость, а наоборотъ, черезъ духовное возвышеніе надъ разногласіями и диссонансами. Сама наша работа есть творческое дѣло, чего ждемъ мы въ нашихъ общихъ чаяніяхъ. Поворя кратко, мы должны стоять на высотѣ соціальной техники — это нужно для развитія и укрѣпленія Движенія, какъ организации, но мы должны въ то же время оставаться живымъ и цѣлостнымъ организмомъ, **быть**, а не **казаться** только, проводникомъ духа церковности. Въ послѣднемъ счетѣ это есть вопросъ сильной и творческой личности: намъ нужна большая духовная сила, творческой порывъ, нужна большая и глубокая внутренняя жизнь. Въ глубинѣ личности совершается самый важный и таинственный процессъ преображенія соціальной стихіи, одухотворенія и освященія ея. Мы не можемъ никогда забывать этого: путь Православной культуры есть для насъ не идея только, а живая, личная задача, которую мы должны по-

стоянно и неустанно рѣшать въ себѣ. Господь зоветъ насъ къ этой огромной задачѣ, — и мы прежде всего должны ее осуществлять въ себѣ и для себя.

*
**

Я набрасываю эти мысли, не думая ими исчерпать огромной и отвѣтственной темы о работѣ Движенія въ Россіи. Наобо-

ротъ — моя задача въ томъ и была, чтобы поставить этотъ вопросъ передъ всѣмъ Движеніемъ, вызвать въ немъ работу мысли и тѣмъ содѣйствовать уясненію совершенно конкретныхъ задачъ Движенія, уже здѣсь стоящихъ передъ нами.

В. В. Зѣньковскій.

Этюды о Русской Культурѣ

Этюдъ IV.

Чайковскій, Тургеневъ и Толстой.

(Продолженіе).

Тургеневъ — писатель совсѣмъ особеннаго свойства. Онъ очень много отдалъ силъ моменту — это его прославило, правда — «моментальнымъ» прославленіемъ. Онъ написалъ много полупублицистическихъ романовъ съ довольно скоропортящейся лирикой. Изъ его крупныхъ романовъ сохранили свою художественную мощь лишь «Дворянское Гнѣздо» да «Рудинъ». Всѣ прочіе безнадежно устарѣли. Совсѣмъ иное дѣло — его мелкія вещи и стихотворенія въ прозѣ — особенно тѣ, гдѣ выступаетъ мистико-фатальный и оккультно-магическій элементъ. Эти вещи не только не устарѣли, но засіяли новымъ блескомъ — правда, часто зловѣщимъ. Мы имѣемъ въ виду такія произведенія какъ «Первая Любовь», «Призраки», «Сонъ», «Клара Миличъ», «Пѣснь торжествующей любви», «Разсказъ отца Алексѣя», «Собака», «Стукъ, стукъ, стукъ» и многія стихотворенія въ прозѣ — словомъ, всѣ тѣ вещи, которыми наша радикально-общественная критика (напр., Михайловскій) внимала и внимаемъ «ушами Мидаса» — выражаясь деликатно.

Тема здѣсь всюду въ сущности одна: мистическая гибель, либо отсрочка гибе-

ли цѣной гибели другого существа. И всюду разлита смертельная тоска, та самая тоска, которая выдѣлена «въ чистомъ видѣ» въ блестящемъ по формѣ и необычайно глубокомъ по содержанию разсказѣ «Онъ» Леонида Андреева. Лишеніе свободы, рокъ, гибель — и смертная тоска — все это въ перемежку съ магической теургіей, доходящей даже до некромантіи (вызываніе мертвыхъ, волхвованія надъ мертвецами) и эктоплазмій (появленія матеріальныхъ призраковъ). И спасенія отъ нихъ нѣтъ, ибо не только не произносится имя Сына Божія, но Оно, какъ будто, окончательно забыто. Здѣсь нельзя не вспомнить знаменитаго метапсихика Крауфорда, которымъ вслѣдствіе его занятій, связанныхъ съ погруженіемъ въ этотъ міръ, овладѣла непреодолимая тоска, закончившаяся самоубійствомъ.

По нѣскольку другому руслу идетъ фаталистическая мистика Л. Толстого. Онъ являетъ міру двѣ фатальныхъ силы: панническую стихію безликаго космоса — природы, и безликій народный «міръ», безликую социальную «простонародную» стихію — ибо Толстой самъ титулованный мужикъ и, такъ сказать, Панъ въ графьяхъ. Съ безликой стихіей гнома - му-